

Русская церковь на заре денежного хозяйства (XV—XVI вв.).— Торговые пути и централизация государства.— Централизация церковного управления. — Митрополит и московский великий князь. — Попытки ограничения прав и привилегий церкви.—Вопрос об ограничении монастырского землевладения. — Ереси: а) стригольников, жидовствующих. — б) Нестяжатели и иосифляне.

Робин-Бобин-Барабек
Скушал 40 человек,

Но российский поп Кирилл
Барабеку посрамил!

Разложению феодализма предшествовало развитие торговых путей вследствие все расширяющейся торговли. В начале феодальной поры торговый обмен был крайне ничтожен: общественные потребности были ограничены; почти все необходимое получалось на месте, а чего хватало, добывалось обычно военным захватом.

Впрочем, военный захват уже в те времена сначала перешел в полуразбойничью торговлю (торговля варягов с греками), а потом заменился и более мирной формой сношений — караванной торговлей. Степные кочевники в XII веке стеснили нашу караванную торговлю с греками, а с татарским нашествием в

XIII веке она и совсем прекратилась. Торговые сношения с западом перешли на север и центром новой торговли стал Новгород - ганзейские немцы привозили сюда заморские товары и вывозили меха из новгородских лесов и закавказское серебро с Урала. Новгород богател, население его росло, и он все больше и больше нуждался в привозном хлебе. За хлебом новгородцы ездили на юг, по верхней Волге, Москва-реке и Оке, в Рязанскую землю куда в обмен завозили заморские товары. Торговый путь из Новгорода в Рязань пересекался старинным путем у Днепра на восток, на среднюю Волгу по той же Москва-реке и Клязьме. На месте пересечения путей, там, где, ближе всего подойдя к Клязьме Москва-река делает крутой поворот на юг, и возник сначала небольшой, но впоследствии все более и более бойкий рынок — ядро будущего столичного града Москвы.

Торговые пути, перерезывая феодальные владения, сближали их и связывали друг с другом. Они шли по более безопасным ме-стам: военные действия здесь были редки. Мирное население сте-калось сюда, и такой перекресток, как Москва-река с Клязьмой, быстро заселялся. Московское княжество росло; от даней и мы-та (торговая пошлина с проезжих судов) бог атели московские князья, и недаром одного из них уже в начале XIV века прозвали Калитой, что значит мешок с деньгами. Незаметно и медленно ко-пила силы .Москва, в феодальных спорах и столкновениях все чаще и чаще одерживая верх над противниками. Владения окрест-ных удельных князей постоянно переходили к Москве, и в начале XIV века Московское княжество уже владело всем течением Москва-реки от Можайска и до Коломны. На коленные богатства позволили московскому князю иметь сильное войско, а с помощью его примышлять и еще новые богатства.

Московского

князя

побаивались

удельные князья,

его

уважали

в

Орде,

и

сам

он,

чувствуя

силу и мощь, все больше и больше вмешивался в дела других областей и уделов.

Заинтересованное в мирном торговом обмене их население тянет к Москве;

сопротивление старых торговых соперников Москвы слабеет, и к середине XIV века

Москва подчиняет себе и Владимир, и Тверь, и Нижний. К концу XIV века Москва

оспаривает у Новгорода Двинскую землю, и московские промышленники с помощью

московского войска понемногу оттягивают у него северные лесные угодья. Это

подрывает хозяйственную базу Новгорода,

он слабеет

все больше и больше и к концу XV века со всеми своими богатствами попадает в руки

Москвы. Перед московским князем, его боярами и их агентами — промышленниками и

торговыми людьми—открывается широкий простор.

Для эксплуатации как новгородских, так и других рядом лежащих, не занятых еще

громadных областей севера и востока. Казанское и Астраханское царства, Урал

Сибирь

— вот постепенно развертывающаяся перспектива будущих московских колоний

XVI—XVII вв. Московское удельное княжество стало государством. Феодалные

владения, старинные уделы, объединились под власть Москвы: удельные князья

перешли на службу Московского великого князя, население теперь несло свои дани и

пошлины в Москву, управлялось наместниками

и

волостелями из Москвы, из Москвы же привыкло ждать и суда,

и

указа, и оброны. Феодалная самостоятельность заменилась подчинением единому

центру.

Не избежала этой централизации и церковь. Исчезает прежняя феодальная

раздробленность; самостоятельности местных духовных властей ставятся

определенные границы; областные церкви теснее и крепче связываются с московской;

стираются их местные особенности, и устанавливается официально единство культа.

Изменяется прежде всего организация церковного управления. Вместо прежнего избрания епископов на местах устанавливается назначение их центром: епископов все чаще и чаще присылают из Москвы, и церковный собор при великом князе Василии II окончательно определяет порядок замещения епископской кафедры распоряжением митрополита. Епископы зависят теперь исключительно от Москвы; они потеряли местные связи. Но зато прекращается и местный произвол над епископом: положение ставленника Москвы возвышало его в глазах местных властей и местного населения. Исключительное положение занимал новгородский «владыка». Богатство его отвечало богатству Новгорода: софийская или владычная казна располагала большими средствами и расходовала их широко: когда в 1386 г. великий князь Дмитрий Донской взял с Новгорода «окуп» (контрибуцию) 8.000 руб. серебром, один архиепископ дал на уплату этой суммы 3.000 руб.; в 1422 г. новгородские концы (районные советы) дали на выкуп пленных 1.000 рублей, столько же дал и архиепископ; во время голода, нередких пожаров помощь архиепископа всегда была щедрой. Богатство отвечало и той большой политической роли, которую играл новгородский владыка: с его благословения вече начинало войну, заключало мир, решало дела; в грамотах его имя стояло выше посадника (высшая выборная гражданская должность) и даже князя; он разбирали вечевые распри и являлся миротворцем в борьбе новгородских концов и общественных классов. С присоединением Новгорода к Москве упало богатство новгородского архиерея; кончилась и его политическая роль: как и все другие епископы, он назначался теперь из Москвы и исключительно от нее зависел, Москва крепко привязывала епископов.

Церковная власть московского митрополита распространялась на всю русскую землю. Он получал ставленные пошлыны и от поставленного епископа и его епархии (церковная область); при поездках его духовенство платило «подъезды» на сопровождение его со свитой и опять подносило дары; ему же шли и судные пошлыны как с церковных людей, так и духовенства. Неудивительно

Неудивительно, что митрополичий двор часто не уступал в пышности двору великого князя: многочисленна была его свита и дворня. Как у великого князя у него были «митрополичьи» бояре, на митрополичьем дворе жили печатники, стольники, конюшие, отроки и прочие слуги; им назначались наместники (духовные), десятинники (светские), волостели. Митрополит держал в подчинении епископов и жил доходами с них. В свою очередь и епископы стягивали к себе доходы

епархиального

духовенства и держали его от себя в крепкой зависимости.

Низшее духовенство превратилось в настоящих тяглых людей епископа. К старинным феодальным сборам с него присоединялись новые, и

оно платило теперь и переходные деньги (при перемещении из одного прихода в другой), и явленную куницу (при явке священнических грамот нозому архиерею), и московский подъем (при поездках архиерея в Москву), и церковную дань (по числу приходских дворов). Духовенство, кроме того, содержало архиерейских чиновников: давало им кормы и подводы,

строило им хоромы. Если присоединить сюда все растущую государеву дань (духовенство платило оброки и кормы великокняжеским чиновникам, а впоследствии — ямские, стрелецкие и пищальные деньги), то нельзя не признать, что положение низшего духовенства было нелегким. Немудрено, что, не имея сил платить,

духовенство (чаще, конечно, духовенство кафедральных соборов) выпрашивало жалованные грамоты, освобождавшие его от части тягла и от подчинения епископским десятиникам. Иногда архиерейские сборы превращались в настоящее вымогательство: тогда это вызывало отпор со стороны низшего духовенства в виде бунтов, побоищ, насилий: священники силой отбивались от архиерейских сборщиков и служителей, в чем им помогали и прихожане. Так было в 1435 г. во Пскове. Раздробленная в феодальные времена русская церковь теперь сковывалась воедино жесткими обручами духовной и светской власти.

Когда московский удельный князь, пользуясь выгодным положением Москвы, как торгового центра, пробивал себе дорогу к великому княжению, ему в этом деле много помощи оказала Церковь. В те времена (на рубеже XIII—XIV веков) церковь была значительной силой и по влиянию на массы народа, уже привыкшего к христианскому культу, и по накопленным за предыдущие века богатствам. Поэтому для Москвы было чрезвычайно важно, что она как транзитный город часто посещалась митрополитом, который, живя теперь, после татарского разгрома больше на севере, только наезжал в Киев, а по дороге туда и обратно останавливался в Москве и подолгу гостил у богатого московского князя. Это сдружило митрополита с князем, вызвало их совместную деятельность (как постройка соборного храма в Москве), а впоследствии и привело к тому, что митрополит Петр и умер в Москве и здесь же был похоронен. Преемники Петра, по прежнему называясь митрополитами киевскими, остались жить в Москве у его гроба, и Москва стала церковной столицей Руси. «Нити церковной жизни, далеко расходившиеся от митрополичьей кафедры по Русской земле, — говорит один историк, — притягивали теперь ее части к Москве, а богатые материальные средства церкви стали стекаться в Москву, содействуя ее обогащению». Это усиливало московского князя, возвышало его в глазах населения и вызывало к нему Доверие, как ни к кому из других князей. Народная легенда связывала даже политические успехи Москвы с благословением церкви. Она так, например, передавала завещание митрополита Петра, якобы сказанное им московскому князю Ивану Калите: «Если, сын мой, меня

послушаешь и храм богородицы воздвигнешь и меня упокоишь в своем городе, то и сам прославишься больше других князей, и прославятся сыны и внуки твои, и город этот славен будет среди всех городов русских, и святители станут жить в нем, и взойдут руки его на плечи врагов его». В борьбе со своими противниками — князьями, соперниками и конкурентами — князь московский действительно пользовался содействием и помощью церкви. Всегда стоявшая за единство Русской земли и поддерживавшая еще в феодальные времена наиболее сильного князя в надежде на его единодержавие, церковь деятельно помогала теперь московскому князю. Митрополит отлучал от церкви князей, враждовавших с московским князем, закрывал в их княжествах церкви, запрещая богослужение; посылал проклятие выступавшим против Москвы ратным силам. Все это действовало на суеверные массы, ослабляло противников Москвы и тем способствовало их поражению. Иногда митрополит, предупреждая кровавое столкновение, сам выезжал во враждовавшие с Москвой княжества и там личным авторитетом укреплял их связи с Москвой или подготавливал почву для их подчинения Москве. Иногда, наоборот, поддерживая эту политику, митрополит не стеснялся участвовать и в насильственных действиях, чуть ли не даже в вероломстве. «Князь великий Дмитрий Иванович,— рассказывает летописец,— с отцом своим преосвященным Алексеем митрополитом зазваша любовью к себе на Москву князя Михаила Александровича Тверского и потом составиша с ним речь, таже потом бысть им суд на третий (день) на миру в правде; да (потом) его изымали (арестовали), а что были бояре около него, тех всех поймали и розно развели». Вспоминая долгое время спустя об этом аресте, князь Михаил Александрович возмущался поведением митрополита: «Колику любовь и всех паче всех к митрополиту сему, и он толихо мя посрами поруга» Поддержка церковью московских князей, конечно, не оставалась без отплаты: именно в благодарность за эту поддержку или в расчете на нее московские князья, как мы знаем, высоко ставили положение церкви, предоставляли духовенству большие права и льготы, одаряли церкви и монастыри землями и другими богатыми вкладами. Под покровительством московских князей высшее духовенство, по существу говоря, стало у них привилегированным классом.

Однако, поддерживая единодержавие и укрепляя московско-го князя церковь скоро получает в лице его не только покровителя но и господина. Московский князь во второй половине XIV века становится самым сильным из князей: все междуречье Оки и Волги находится в его владении; он отваживается на борьбу с великим Новгородом, Литвой и даже татарским ханом; великое княжение за ним обеспечено; прежние удельные князья состоят теперь у него на службе; он окружен почетом, покорностью, даже раболепством. С этим растет самодержавие московского князя — произвол, самовластие. Он расправляется со своими ближайшими слугами, не различая среди них безродных и родовитых, одинаково казня и простого боярина, и бывшего удельного князя.

Попадают в опалу и представители высшего духовенства (митрополиты, епископы),

чем-либо не угодившие великому князю или просто оказавшиеся слишком самостоятельными в своих поступках и взглядах: Иван III едва не отказал в кафедре митрополиту Геронтию, когда тот попробовал настаивать на хождении с крестным ходом «противу солнца», а не «посолонь», как каза-лось правильным великому князю. А его сын Василий III низло-жил и заточил в монастырь митрополита Варлаама за отказ по-следнего согласиться на развод великого князя с его бездетной женой и благословить его вторым браком. Особенно сказывалась воля великого князя при назначении митрополита. Митрополит назначается великим князем, посвящает ли его патриарх кон-стантинопольский, как было до середины XV века, или собор рус-ских епископов, как стало после. Интересна в этом отношении история митрополита Киприана (70—80 гг. XIV века). Назначен-ный патриархом в московские митрополиты еще при жизни ми-трополита Алексея, Киприан приехал было в Москву в качестве его будущего преемника, но получил от великого князя (Дми-трия Донского) отказ: «Есть у нас митрополит Алексей, и кроме него другого принимаем. Что ты ставишься на живое место?»

Киприан, очевидно,
человек терпеливый,
решил

ждать. Однако, после смерти Алексея у Великого князя оказался свой кандидат, его любимец и духовник, коломенский священник Митяй. По воле великого князя он тотчас присвоил себе права и власть московского митрополита: поселился в митрополичьем дворце, облачался в митрополичьи одежды, судил и рядил духовен-ство, собирал дани и пошлыны. Киприан сделал было попытку за-нять кафедру, которая теперь, казалось, уже принадлежала ему по праву. Но, по распоряжению великого князя, тотчас по при-езде в Москву он вместе со свитой был арестован, брошен в сы-рую клеть и ночью с издевательством изгнан за город. Оскорб-ленному митрополиту ничего не оставалось делать, как предать великого князя проклятию
и

ехать жаловаться на него к па-триарху в Константинополь. Поехал туда и Митяй, чтобы офор-мить свое назначение, но в дороге внезапно умер. Тогда один из архимандритов его свиты, Пимен, захватив его казну и печати, подкупил патриарха с его собором и обманом получил сан ми-трополита всея Руси. Однако великий князь не принял Пимена. Мало того, он его арестовал и сослал в заточение; а затем вы-звал Киприана и, как бы в забвение

прошлого,

торжественно встретил

его теперь как

московского

митрополита. Но

не-долго на этот раз пробыл Киприан на кафедре:

великий князь скоро поссорился с ним, вторично изгнал его из Москвы, а Пи-мена

вернул из ссылки и поставил митрополитом. Опять ездил Киприан в Константинополь, и

только тогда патриарх, наконец, разобрал дело его и Пимена: Пимен был низложен, а

Киприан провозглашен

митрополитом всероссийским. И тем не менее фактически занять эту кафедру Киприану

удалось только при преемнике великого князя. Так сильна была воля последнего при назначении митрополита.

Патриарх константинопольский вынужден" был считаться с этим. С началом XV века турки все больше и больше теснили дряхлевшую Византию: разрушалось ее хозяйство, падали доходы и императора, и патриарха. Нужда заставляла их оглядываться по сторонам и искать помощи внешней. В то же время на далеком севере вырастала могущественная Москва; поступления от русского митрополита увеличивались; каждое русское посольство привозило богатые дары. Поневоле приходилось не требовать и повелевать, а чаще прислушиваться к чужой воле и уступить, постепенно отказываясь от своих былых и неоспоримых прав. Вот почему патриарх все чаще и чаще утверждал митрополитом избранного собором русского епископа и указанного великим князем кандидата. Последний митрополит, назначенный патриархом (при этом даже вопреки представленному великим князем кандидатуру), был Исидор (нач. XV в.).

Турки в то время уже угрожали Константинополю; шли переговоры императора с папой. Греки обещали пойти на соглашение в вопросах веры, чтобы только получить от латинян помощь для борьбы с турками; по вопросу соединения церквей папа собрал вселенский собор. Исидор и был нужен императору и патриарху как ученый муж и свой человек в качестве представителя на этом соборе от богатой и многочисленной русской церкви приехав в Россию, Исидор тотчас отправился на собор, который в то время заседал во Флоренции, и здесь подписал (вместе с другими) унию (соединение) восточной и западной церкви. Вернулся Исидор в Москву в преднесении латинского «крыжа» (креста); в Успенском соборе поминал римского папу и на первом же торжественном богослужении зачитал акт о соединении церквей. Воспитанные вековой агитацией в ненависти к латинам, русские люди были крайне смущены поведением митрополита и даже не знали, что предпринять. Великий князь, после некоторого раздумья, приказал арестовать митрополита, объявив его еретиком, подлежащим церковному суду. На его место, по указанию того же великого князя, собором епископов был избран русский епископ Иона. После флорентийской унии греки были заподозрены Москвой в ереси, и русские перестали обращаться в Византию за утверждением митрополита. Преемник Ионы и все последующие митрополиты избирались собором епископов и утверждались непосредственно великим князем.

Права и привилегии, полученные церковью во время феодализма, теперь подвергаются пересмотру и сокращению. Почувствовав свою силу, великий князь московский постепенно отбирает назад все то, что было взято и отдано в удельный период, когда слишком слаба была центральная власть, когда слишком сильны были отдельные лица и организации. Митрополиты по-прежнему продолжали получать льготные жалованные грамоты, но гражданские права церкви в них уменьшались. По грамоте митрополиту

Киприану 1404 г. люди, жившие в митрополичьих вотчинах, свободны еще от княжеского суда, податей, повинностей, но уже с значительными ограничениями: они дают «ордын-ский выход», ставят лошадей на ямы, платят тамгу с продажи, участвуют в военной повинности (митрополичий полк идет под стягом — знаменем великого князя); церковные люди хотя и подчинены по суду митрополиту, но в делах, касающихся княжеско-го и митрополичьего человека, устанавливается «смесный» или общий суд из чиновников той и другой власти; по челобитным на митрополичьего наместника, десятника или волостеля судит сам великий князь (или кому он прикажет); наконец, поставлению в попы и дьяконы слуги великого князя и тяглые люди не подлежат, при чем попович, отделившийся от отца, считается уже человеком великого князя (это побуждало детей духовенства занимать церковные места и способствовало развитию на-следственности духовного звания). Так начинается вмешательство светской власти в церковные дела, в организацию церковного управления, суда и отчасти хозяйства. Грамота митрополиту Киприану — это первый хотя и робкий шаг в этом направлении. Но государственные нужды вызвали и дальнейшие шаги.

Рост Московского государства удлинял линию обороны и требовал все больших и больших средств на организацию ратной службы. Ратники или служилые люди вознаграждались у нас пустой или населенной землей, и на первых порах это было удобно: у московского князя, благодаря успешному собиранию Руси, оказались большие земельные богатства. Однако в XV веке, с ростом границы, стало нехватать этих земель для помещения на них все растущего служилого класса: к концу XV века почти вся свободная, т.е. не находившаяся в частной собственности, удобная земля была уже роздана. Государственный интерес заставлял московское правительство бережней относиться к своему основному капиталу: пришлось регулировать раздачу земли, наблюдать за переходом ее из одних рук в другие, брать на учет неслужилые земли. Между тем еще с феодальных времен продолжало расти церковное и монастырское землевладение.

Земельный запас таял. Служилый класс трудно стало вознаграждать. Обороне страны грозила опасность. Нужно было принять какие-то решительные меры, и московское правительство осторожно и с колебаниями, но все более и более настойчиво уже с конца XV века ставит вопрос об ограничении церковного землевладения. Как мы уже видели, в эпоху феодализма земельные владения церкви все увеличивались путем вкладов, пожалования и прямого захвата. С развитием торговли и распространением денег церковь использовала еще один способ приобретения земель — это купля в ее всевозможных видах. Много-численные теперь денежные вклады шли прежде всего на приобретение вотчин, и сами вкладчики подыскивали земли для монастыря, чтобы купить их на вкладываемые деньги: думали, что земля, отданная церкви на вечные времена (она была неотчуждаема), вернее обеспечит помин души, чем денежный вклад, который мог быть легко израсходован.

Наиболее распространенной формой покупки земли был пе-реход ее к церкви по закладным. Предки наши весьма часто за-нимали деньги или хлеб у богатых монастырей, даже у монахов и монахинь, давали на себя «заемные кабалы» (векселя, распи-ски), обязываясь платить известное число процентов, чаще всего «за пять шестой», т.-е. 20%. Церковь получала право пользо-ваться заложенной вотчиной «за рост пахати, и крестьян владе-ти, и лес сечи, и луг косити». В случае неуплаты в срок или при отказе от уплаты закладная превращалась в купчую, и земля окончательно переходила в руки церкви. Можно полагать с ве-роятностью, говорит исследователь, что значительная часть цер-ковной и монастырской земли перешла в руки духовенства имен-но этим путем. Но была еще третья форма покупки земли — это вотчинами: монастырь покупал малоценную землю и менял её на более ценную, доплачивая разницу стоимости деньгами. Все это вместе взятое сделало церковь одним из крупнейших земле-владельцев. «Из трудовых некогда земледельческих общин, пи-тавшихся своими трудами, где каждый брат работал на всех, и все .поддерживали каждого, многие монастыри,— по словам исто-рика (Ключевский. — «Боярская Дума») —разрослись теперь в крупные землевладельческие обще-ства со сложным хозяйством, многообразной житейской суетой и запутанными мирскими отношениями. Окруженное монастыр-скими слободами, слободками и селами братство такого мона-стыря представляло из себя черноризческое барство, на которое работали сотни и тысячи крестьянских рук, а оно властно пра-вило своими многочисленными слугами, служками и крестьянами и потом молилось о всех и особенно о мирянах-вкладчиках сво-его монастыря».

Стремление к обогащению, жадность к земле и погоня за рабочими руками в конце концов приводили духовенство и осо-бенно монастыри к постоянным спорам, тяжбам и столкнове-ниям как с соседними крестьянскими общинами, так и с владель-ческим служилым классом. Местные крестьяне, среди владений которых основывался монастырь, сначала всячески отстаивали свою самостоятельность и часто с неприязнью встречали его основание: «Старец на нашей земле монастырь поставил, — го-ворили они, — и пашню строит и хочет завладеть нашими земля-ми и селами, которые близ монастыря». Разгоралась глухая вра-жда, приводившая подчас к резким столкновениям. Так, устюж-ские крестьяне, узнав о построении монастыря в окрестном лесу, где они промыляли на просторе, и испугавшись, что лес скоро ускользнет из их рук, сожгли церковь, построенную основате-лем. Старец построил другую. Тогда крестьяне захватили его в пустыне наедине, просьбами, угрозами и даже пытками стараясь выманить у него жалованную грамоту, и, наконец, зверски его убили. Подобные рассказы об озлобленном отношении окрест-ных обывателей к строителям монастырей из-за опасения поте-рять землю и угожья нередки в древнерусских житиях (биогра-фиях) святых этой эпохи.

Но с ростом государства росло «государево тягло», - тяжелее становилось жить и на служилых землях. Между тем земельные пожалования монастырям соединялись с щедрыми судными и по-датными льготами для крестьян, селившихся на пожалованных, как впоследствии на вкладных и купленных, землях. «Тем лю-дям, — говорилось в жалованных грамотах, — не надобе моя дань, ни ям, ни подводы, ни мыт, ни тамга, ни писчая белка, ни осьмничии, ни костки, ни явка, ни которая пошлина, ни города не делают, ни двора моего не ставят, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят... мои наместники и волостели и их тиуни на тех хрестьянех, на монастырских кормов своих не емлют, ни всылают к ним ни по что, а приветщики и доводчики поборов не берут, не въезжают... а ведает игумен сам свои люди во всех делех и судит сам во всем». Эти льготы и привлекали впоследствии крестьян на монастырские земли: монастыри заселяли свои пу-стоши на льготных условиях, сманивали крестьян с соседних ка-зенных и владельческих земель и, увеличивая количество рабо-чей силы, тем поднимали доходность своих владений.

Обилие денег давало монастырям возможность, возвышая по-купные цены, перебивать продажные земли у других покупщи-ков, особенно у слабосильных служилых людей, и доставило мо-настырям господство на земельном рынке. Дети боярские жало-вались правительству, что «мимо монастырей вотчин никому ни у кого купить не мочно». Это вызывало понятное раздражение со стороны служилого класса по отношению к монастырям, бо-гатым «землей» и рабочей силой, а потеря им тяглых и оброч-ных плательщиков, уходивших на льготную монастырскую землю, еще более его увеличивала. Противоречие интересов служилого и монастырского землевладения не могло однако быстро и легко разрешиться. Нуждаясь в средствах для обороны государства и будучи готово идти навстречу интересам служилого класса, мо-сковское правительство в то же время нуждалось и в помощи церкви и не решалось резко затронуть ее интересы в таком важном пункте. Поэтому правительству великого князя москов-ского пришлось здесь идти ошупью, осторожно, только в чрез-вычайных случаях отваживаться на принятие решительных мер, да и те, впрочем, часто сводились на- нет новыми правительствен-ными распоряжениями или самой практикой жизни. Так сложен и щекотлив оказался этот вопрос.

Прежде всего всегда преследовался захват выморочной слу-жилой земли, кем бы он ни производился. Судебные дела, возни-кавшие по этому поводу, вскрывают нам и бытовые подробности земельных захватов, и те кары, которые иногда постигали не-удачных захватчиков. Так, в 1491 г. зимою «били на торгу кнутъем архимандрита Чудовского, кн. Ухтомского и Хомутова про то, что сделали грамоту на землю после князя Вологодского кончины, в коей написано якобы он, Андрей, дал Спасову монастырю землю на поминанье». По Судебнику Ивана III был установлен срок давности для отыскания казенных земель, попавших путем захвата в частные руки, в том числе и перешедших во владение церкви. При Иване IV, в 1551 г. было предписано отобрать у ду-ховенства и частных лиц земли, которыми епископы и монасты-ри завладели самовольно или

насиловать. «А которые цареви великого князя поместьные и черные земли задолжал и у детей боярских и у крестьян и насильством поотымали владыки и монастыри или которые засильем писцы, норовя владыкам же и монастырем, надавали, а называют владыки и монастыри те земли твоими, а иные починки поставляли на государевых землях, и того сыскав, чьи земли были истари, за тем же земли и учини-ти». Действие этой решительной меры было однако ослаблено лет через тридцать: в 1581 г. тем же Иваном IV были подтверждены права духовенства на не ему принадлежавшие земли, хотя бы у них и не было на них законного акта. Тем не менее это отображение хотя бы части земель духовенства, считавшихся вообще неотчуждаемыми, безусловно, должно было наделать шуму: оно определенно, резко ставило предел расширения церковного землевладения, правда, пока в одном направлении (в отношении захвата).

Указанной попытке общего ограничения роста церковного землевладения, ставшего опасным для государства, предшествовали отдельные частные случаи отображения церковных и монастырских земель.

Наиболее известным и ранним из таких случаев является конфискация части имений новгородской церкви: в 1478 г. после окончательного покорения Новгорода великий князь Иван III «взял на себя» (конфисковал) 10 волостей у самого новгородского архиепископа и по половине волостей у шести наиболее богатых имениями монастырей. Это мероприятие, направленное, правда, против церкви только что покоренного города, крайне встревожило заинтересованные круги. Для служилого класса, отдельные представители и группы которого были помещены на конфискованной церковной земле, явилась надежда на повторение в дальнейшем подобных мер; а что касается духовенства, то оно увидело в этом, и, конечно, справедливо, начало определенного похода против церковного и особенно монастырского землевладения.

Однако, среди духовенства в этом последнем вопросе не было единодушия. Монастырское землевладение давно осуждалось по религиозно-нравственным соображениям: многим искренно верующим казалось несовместимым с обетами монашества владение землей, да к тому же еще населенной. И тем не менее, когда практика жизни не только у нас, но и в других странах, привела к необычному росту монастырских земель, среди духовенства нашлись своего рода реальные политики, которые оправдывали это явление, считая, что монастырь — это материальная база для существования специального класса молитвенников. Вообще как по этому, так и по целому ряду других подобных вопросов среди духовенства всегда были как бы две группировки. Первая это аскеты-мистики, отрешившиеся от жизни и видевшие сущность религиозного поведения

В

так

называемом «умном делании», т.-е. в воспитании определенного внутреннего настроения и чувства. С этой точки зрения монастырское земле-владение, привязывавшее монахов к миру и жизни и отвлекавшее их от их прямых обязанностей, было, конечно, злом. Вторая — церковники-практики, понимавшие религию, как силу, способную организовать общество, конечно, в направлении и интересах господствующего класса, и стремившиеся поэтому объединить требования «веры» и «жизни» в каком-либо целесо-образном компромиссе (соглашении). Одним из таких компро-миссов и было, по их мнению, монастырское землевладение.

Когда в конце XV века у нас встал вопрос о монастырском землевладении, среди нашего духовенства выявились те же два направления. Это были нестяжатели или заволжские старцы во главе с Нилом Сорским и иосифляне — последователи Иосифа Волоцкого. Нил Сорский (по фамилии Майков) происходил из крестьян и сначала был на Москве скорописцем, но затем по-стригся в Кирилло-Белозерском монастыре, прошел здесь суро-вую школу монашеской жизни, побывал на Афоне и, возвратив-шись, основал в Заволжье на реке Соре скит (небольшой мона-стырь), где и пыТался провести свой идеал монашеской жизни, выработанный им в духе аскето-мистического направления. Для Нила Сорского и его последователей мир есть царство зла, и мо-нах, желающий спасти свою душу, должен поэтому жить одино-ко в своем скиту и питаться своим рукоделием. Скитское миро-созерцание Нила все сполна было против монастырского земле-владения. Его возмущали, как он писал, эти монахи, кружа-щиеся ради стяжаний; по их вине жизнь монашеская, «некогда превожделенная», стала мерзостной. Проходу нет от этих лже-монахов в городах, весях, селах; сами миряне смущаются и не-годуют, видя как бесстыдно эти «прошаки» толкуются у их две-рей. В интересах церкви, — настаивали заволжские старцы, — для очищения и возвышения ее, нужно уничтожить монастырское землевладение.

Иных взглядов держались иосифляне. Их вождь, Иосиф Волоцкий (по фамилии Санин), игумен Волоколамского монастыря, был человек большой энергии и таланта. Чисто созерцательная монашеская жизнь его не удовлетворяла. Его увлекала деятель-ность, кипучая и разнообразная: в монастыре он был отличный хозяин-администратор, в сношениях с миром большой дипломат, искусный оратор на церковной кафедре и духовных соборах, а кроме того, весьма начитанный писатель-публицист. Монастыр-ское землевладение не смущало его: «во всех монастырях, — писал он, — земли было много оттого, что князья и бояре давали им села на вечное поминание». А владея землей, монастыри имеют воз-можность идти навстречу народным нуждам: не отказывать про-сящим, в неурожайные годы кормить голодающих. Что же касает-ся упадка монашеской жизни, то, по мнению Иосифа и его после-дователей, в монастырях следует только восстановить стро-гое об-щежитие, и это примирит монастырское землевладение с монаше-ским отречением от всякой собственности. Сам Иосиф в своем мо-настыре

строго проводил в жизнь эти взгляды: на нищих и странников у него ежегодно расходовалось деньгами около 150 тогдашних рублей (около 9 тысяч рублей довоенных), иногда и больше, да хлебом по 3 тысячи четвертей; каждый день кормилось за монастырской трапезой 600—700 душ; в монастыре при жизни Иосифа царила суровая дисциплина — постоянный физический труд и строгое выполнение обрядов.

Взгляды обоих направлений столкнулись на церковном соборе 1503 года, где вопрос о монастырском землевладении был поставлен великим князем. Нуждаясь в земле для обеспечения служилого класса и уже сделав попытку обращения на эту цель части церковной земли (в Новгороде), великий князь увидел теперь во взглядах нестяжателей оправдание своей попытке и надеялся через них склонить собор к отказу от монастырских вотчин. На соборе выступили оба борца. Нил и стоявшие за ним белозерские пустынники говорили об истинном смысле и назначении монашества.

Иосиф ссылаясь

на примеры восточной и русской церкви и высказал ряд практических соображений: «Если у монастырей сел не будет, то как честному, благородному человеку постричься? А если не будет добродетельных старцев, откуда взять людей на митрополию, в архиепископы, епископы и на другие церковные властные места? Итак, если не будет честных и благородных старцев, то и вера поколеблется». Собору, состоявшему в большинстве из духовных владык, вышедших из тех же «честных и благородных старцев», доводы

Иосифа

показались убедительными, и он согласился с красноречивым игуменом Волоцкого монастыря. В своем заключении, составленном для великого князя в нескольких ученых докладах, собор очень искусно объединил с монастырскими землями, которые оспаривались, земли церковные, которых никто не оспаривал, и высказался вообще против отнятия у церкви земельных имуществ.

Великий князь не решился идти против авторитета церкви, столь дружно поддержанного отцами собора, и дело о секуляризации (передаче в светское владение) монастырских вотчин было отложено на-долго. Московское правительство вынуждено было искать удобной земли для обеспечения служилых людей за пределами государства: с XVI века развивается завоевательная политика Москвы, - пределы страны расширяются к югу и юго-востоку, и служилый класс получает земельное обеспечение, не нарушая прав церкви. Так временно было изжито в этом вопросе противоречие монастырского и служилого землевладения.

Собор 1503 года, отстаивавший за монастырями право владеть вотчинами, был созван вообще по поводу вопросов церковного благочиния и благоустройства. Такие соборы в истории церкви собирались не раз, когда мирские цели церковных учреждений слишком становились ясны; когда колебался авторитет церкви, как учреждения «божественного», авторитет, утвержденный некогда древними отцами церкви, и когда

новые отцы церкви пытались сгладить накопившиеся противоречия, отмечая от церкви слишком явные пороки и осуждая, как «обмирщение» церкви, все в ней слишком низменное и прозаическое. Собор 1503 г. отменил взимание епископами платы за поставление на церковные должности; запретил служение в миру вдовых священников, дьяконов и безоговорочно осудил совместное жительство монахов и монахинь в одном и том же монастыре.

Все эти явления были последствиями начавшегося в феодальную эпоху «обмирщения» церкви, особенно усилившегося теперь, с развитием денежного хозяйства, и потому слишком бросающегося в глаза и уже давно вызывавшего справедливое негодование искренно верующих. У Нила Сорского и заволжских старцев, так горячо протестовавших против обмирщения монастырей, в этом отношении были свои предшественники, но, пожалуй, с более широкими и во всяком случае с более резкими взглядами. Это были так называемые еретики-стригольники (конец XIV в.) и жидовствующие (конец XV века).

Ереси, т.е. своеобразные и резкие уклоны от общепринятого учения церкви, появляются вообще с разложением феодализма, что вызывает пробуждение самостоятельного мышления. Развитие торговли и торговых путей, образование рынков и городов, разнообразие в них ремесленных занятий, — все это будило мысль в новом буржуазном классе, ставило для него под сомнение обычные понятия и порождало среди его представителей новые, своеобразные взгляды. Вместо феодальной зависимости и подчинения городская жизнь первоначально строилась на началах свободы и самостоятельности: «городской воздух делает свободным», — говорили тогда в Германии. Неудивительно, что все, с чем сжились и к чему привыкли при феодализме, теперь подвергалось критике и оспаривалось.

Злоупотребления,

которые терпеливо сносились феодальным крестьянством, в городе вызывали протест и сопротивление. За отсутствием феодальных поборов тем резче чувствовались здесь поборы со стороны духовенства, которые, особенно в больших городах, были естественно значительно выше, чем в деревнях и селах. Так, в бойком торговом Пскове, пригороде Новгорода,

кроме обычных сборов за требы, за помин души, с дел, разбиравшихся в церковном суде владыки, брались судебные пошлины

в двойном размере против суда светского. Низшее духовенство также было обложено здесь большими ежегодными взносами в пользу новгородского владыки — ему же священники и дьяконы платили, как известно, определенную мзду при поставлении на должность. В конце XIV века началось

движение против

этих

поборов. Около псковского дьякона Никиты и стригольника (по наиболее вероятному толкованию, «стригалия сукна», т.е. ремесленника-суконщика) Карпа, сложился кружок лиц, восстававших против таких порядков и особенно против поставления на мзде

«срятокупства» или «симонии» (по имени Симона-волхва, который, по преданию, хотел некогда купить у апостолов «благодать святого духа»). Кружок Карпа и Никиты получил название стригольников. Стригольники утверждали, что все русские епископы и священники поставляются на мзде, а потому они — не истинные епископы и священники; к тому же они ведут и жизнь, недостойную пастырей. Они «не нестяжатели, но имение взимают у христиан, подаваемое на приношениях за живых и за мертвых...» «Эти учителя пьяницы суть, едят и пьют с пьяницами и берут с них золото и серебро и порты с живых и с мертвых». «Вся русская церковь срятокупствует и духопродавствует». Потому все, что делает церковь, не имеет силы; не доходят до бога и церковные молитвы. Отсюда ясно, что такое духовенство не нужно; оно только портит веру; поэтому с ним даже опасно быть, — и лучше выйти из церкви и отделиться. И стригольники отделились: поставили сами себя учителями над народом: «Творили себя головой, будучи ногой», — издевались над ними их обличители: «творили себя пастырями, будучи овцами». И начались во Пскове «страшные вещи»: миряне судят попов и казнят (наказывают) их; восхищают сами на себя сан священства и совершают крещение: «мужики озорные на клиросе поют и паремью и апостол на амвоне чтут да еще и в алтарь входят». Выступившие «мужики», т.-е.

горожане, особенно зазорным считали существование специального класса молитвенников (монахи) с их молитвами за умерших: «не достоин над умершими пети, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за мертвыми приносить к церкви, ни пиров творити, ни милостыню давати за душу умершего».

Агитация стригольников имела успех; она вербовала много последователей. И неудивительно. Это были люди, изучившие «книжные словеса» и гордившиеся своей нестяжательностью. Даже противники их говорили: «Таковы были еретики постники, молебники, книжники». «Такие лицемеры!» — прибавляли церковные власти. Против стригольников выступили и новгородские духовные власти, и митрополит, и даже патриарх константинопольский: им доказывали, их опровергали. Но увещания не действовали. Тогда церковные власти стали хватать еретиков и сажать по тюрьмам. Движение продолжалось больше 50 лет, захватило Новгород и Москву и исчезло лишь в конце XV века. Оно сильно потрясло московскую церковь.

Ересь стригольников в конце XV века сошла на нет: она растворилась в более широко организованном движении, известном под общим названием «ересь жидовствующих» (название это дано еретикам их обличителями за сходство их учения в некоторых чертах со взглядами иудейства). Ересь жидовствующих возникла в том же северо-западном углу Руси, где давно уже развилась бойкая городская жизнь, где русские сталкивались в торговле с иностранцами, где можно было поэтому встретить представителей различных взглядов и направлений. В 70 гг. XV века независимый Новгород доживал

последние дни: Москва, завладевшая его колониями, явно стремилась к его подчинению; борьба партий внутри вольного города обострилась до крайности. Партия правящих классов («боярская партия») отстаивала самостоятельность великого Новгорода; партия низших классов (демократическая партия) тянула к Москве. Готовая сокрушить Новгород Москва казалась новгородскому боярству и духовенству антихристовым царством: когда падет Новгород, говорили они, восторжествует антихрист, и вскоре настанет второе пришествие (христа) и кончина мира (ее ожидали в 1492 г., когда, по счету церковных книжников, исполнится ровно 7 тысяч лет от сотворения мира). Из среды московской партии естественно явились противники этих взглядов: жидовин Схария, — «диаволов сосуд», в характеристике обличителей, — «изучен

всякого

злодейства изобретению, чародейству же и чернокнижию, звездозаконию же (астрономии) и астрологию»; с ним три другие «жида» из Литвы, поп Денис, протопоп Алексей и др. — это и были еретики. Из 23 лиц, имена которых известны, как составлявших центральное ядро движения, 15 лиц были попы или клирошане, или сыновья попов, а остальные, судя по их прозвищам (Гризя Клоч, Мишук Собака, Васюк Сухой), принадлежали к городскому черному люду. На основании иудейского летоисчисления, которое они считали более правильным, еретики заключали, что до 7.000 лет недоставало чуть не целой тысячи, а потому, говорили они, все толки о втором пришествии не имеют никакого основания, и Москва ничего антихристового не содержит. Начав с критики ожидания кончины мира, еретики однако не ограничились ею, а пошли дальше. По примеру стригольников они заявили, что церковь, которая противопоставляет себя московскому государству, как антихристову, сама полна всяческих заблуждений и учит явным несообразностям, которые еретики отвергают. Еретики не признавали троичности лиц божества: «бог един, а не троичен», говорили они; отвергали божество Иисуса Христа, считая его только пророком, равным Моисею, но отнюдь не равным богу-отцу, ибо немислимо «богу на землю снiti и родиться от девы, яко человек»; не почитали богородицы и святых; не поклонялись кресту и иконам, говоря, что «то суть дела рук человеческих, уста имут и не глаголют, — подобны будут все надеющиеся на них»; почитали закон Моисеев и вместо воскресенья чтити субботу. Отвергая вероучение церкви, еретики отвергали церковную иерархию совершенно в стригольническом духе: про одного из еретиков, иеромонаха Захарию, определенно известно, что он не причащался сам и не причащал других на том основании, что не у кого причащаться, все поставлены на «мзде». На ряду с иерархией отвергалось и монашество, которое еретики считали человеческим измышлением и лицемерием, осудив особенно молитвы за умерших: «А что то царствие небесное? а что то второе пришествие? а что то воскресение мертвых? Ничего такого нет: умер ин, то умер, по то место и был»...

Таким образом жидовствующие явно были «рационалистической сектой (уклоном)»: они подошли к учению церкви, к ее культуре и обрядам с точки зрения разума (рацио); в чем не находили разумного основания, — все это они и отвергли. Ересь распространилась среди новгородских священников и церковников. Но еретические мнения пришлись как

нельзя более к стати в той церковно политической борьбе, которая разыгрывалась в это время в Москве. Яблоком раздора здесь, как мы уже знаем, были огромные монастырские земли, вопрос о секуляризации которых был властно поставлен после отобрания земель новгородского боярства и церкви в пользу служилых людей. Вот почему неко-торые попы-еретики, как выступавшие против монашества, сле-довательно, и против монастырского землевладения, самим вел. князем Иваном III были привезены из Новгорода в Москву и наз-начены на места в придворные соборы. После этого ересь пошла по Москве. Ей сочувствовали здесь видные светские люди, как доверенный дьяк великого князя Федор Курицын, устроивший у себя в доме нечто вроде салона московских вольнодумцев, и кое-кто из духовенства, между прочим, архимандрит Зосима, потом избранный в митрополиты (и тогда осудивший ересь).

У московских еретиков были большие связи со старобояр-ской партией, которая настаивала перед великим князем на отобрании монастырских вотчин (с той же партией были свя-заны даже личными связями, как выходцы из той же среды, и заволжские старцы). Этого было достаточно, чтобы противники еретиков, во главе которых стояли Иосиф Волоцкий и его друг и единомышленник новгородский архиепископ Геннадий, обру-шились на них со всей энергией и силой. На соборе 1490 г., со-званном для суда над еретиками, Геннадий определенно требовал казни для еретиков («их казнити, жечи да вешати»). Однако приговор собора, который находился под большим влиянием ста-робоярской партии, оказался сравнительно мягким: отлученные от церкви еретики отделались: главари — заточением, а прочие — лее легким наказанием. Тогда агитация противников еретиков усилилась, переплетаясь с борьбой за монастырское землевладе-ние. Иосиф Волоцкий составил целую книгу обличений ереси под названием «Просветитель», где также требовал суровых мер про-тив еретиков; а архиепископ Геннадий в Новгороде перешел от слов к делу, подвергая еретиков жестоким преследованиям. Со-бору 1503 года ,состоявшемуся после паден
ия бо
ярской
партии, над видными
представителями которой
по подозрению в кра-моле великим князем была учинена жестокая расправа, удалось,
как
известно,
отстоять
монастырское
землевладение. Партия иосифлян торжествовала победу. Тогда решено было по-кончить и с еретиками. На церковном соборе 1504 г. еретики были осуждены на казнь, многие из них были сожжены, а прочив разосланы в заточение. Ересь заглохла. Борьба иосифлян и на этот раз увенчалась успехом. Заволжские старцы возражали было против жестокостей: они ссылались на евангельский рас-сказ о прощении грешницы Иисусом и на заповедь «не судите, да не судимы будете». Но иосифляне увидели в этом протест про-тив решения собора и снова ополчились против нестяжателей. Мягкое

отношение

к еретикам дало им повод заподозреть заволжских старцев в сочувствии ереси, а связь

последних с боярами-крамольниками, которую тут же припомнили иосиф-ляне, позволила им очернить нестяжателей в глазах власти. Такая политика, конечно, сближала иосифлян с властью. Они начинали казаться ей наиболее надежной ее опорой; их взгляды стали рассматриваться как наиболее правильные, и мало-помалу наиболее видные должности в церкви переходили к представителям иосифлянского направления. Однако настоящий крепкий союз между властью и иосифлянами был заключен только тогда, когда Иосиф и его последователи определенно высказались за самодержавие вел. князя и были явно готовы всемерно поддерживать его утверждение.

В XV в. зависимость русской церкви от Византии прекратилась. Но церковь от этого стала не более, а менее самостоятельной, чем была раньше. Господином над ней стал московский великий князь, власть которого, уже давно, как мы видели, чувствовавшаяся, оказалась сильнее и реальнее, чем власть патриарха. Если в прежние времена при столкновениях с княжеской властью, церковь искала опоры в Византии, которая всегда могла поддержать ее и силой церковного авторитета и всей мощью Византийской империи, то теперь она была лишена этой поддержки и опоры. Всегда ратовавшая за единодержавие и указывавшая русским людям на византийский абсолютизм, как на образец государственного устройства, русская церковь оказалась в конце - концов не в состоянии «справиться с духами, которых она вызвала». И московское самодержавие, развивавшееся на общей почве укрепления торговых связей, влияния татарщины и при ближайшем участии церкви, уже накладывало на нее свою тяжелую руку.

Церковные разногласия, вызванные пробуждением самостоятельной мысли на основе того же развития торговли и городской жизни, заставляли и ту и другую сторону обращаться за содействием власти. И московская власть сделала свое дело: она помогла православию искоренить ереси стригольников и жидовствующих, становившиеся опасными для государства; она долгое время шла навстречу идейным стремлениям нестяжателей по ликвидации монастырского землевладения, пока их противники не обвинили их в соучастии в боярском заговоре, но в конце - концов она оказала свое покровительство партии иосиф-лян, которая оказалась из двух церковных группировок более гибкою и покладистою.

Иосиф Волоцкий, этот дипломат в рясе, прекрасно понимавший тогдашнее положение русской церкви, заботится прежде всего о покровительстве для нее со стороны великого князя и по-этому в поисках сильной власти стремится к утверждению

са-модержавия. Он выступил с новой теорией отношений между светской и духовной властью, теорией, которая как нельзя более соответствовала видам великого князя. «Царь естеством подобен всем людям, властью же подобен вышнему богу», — говорил он в «Просветителе». Теперь случай помог ему развить эту мысль дальше.

Поссорившись со своим удельным (волоколамским) князем, Иосиф, по феодальному обычаю, отказался от него и передался со своим монастырем во власть великого князя московского. Когда же его ближайший духовный начальник, новгородский архиепископ Серапион, обвинил Иосифа в «великом бесчестии», последний ответил обратным обвинением Серапиона в бунте против богоустановленной власти, которой должна подчиняться и церковь.

«Самодержец и государь всея Руси», — вот кто князь, к которому перешел Иосиф. «Сам бог посадил его в себе

место» и «суд и милость предаст

ему, и церковное и монастырское всего православного

государства и всея русские земли власть и попечение вручил ему». С таким государем не подобает «свариться (ссориться): «ни древние святители, дерзнувшие сие сотворити, ни четыре патриархи, ни римский папа, бывший на вселенском соборе, еще когда царь на гнев совратится на кого, и они с кротостью и смирением и со слезами моляху царя». Государю принадлежит и верховный окончательный суд над церковными людьми:

обжалования на него

нет. «Суд царя никем не посужается». Таков объем власти великого князя московского в представлении Иосифа и таковы его отношения к церкви. Он именуется «самодержцем»;

вся полнота власти в его руках; он глава церкви.

Лишенная

внешней поддержки и предоставленная самой себе, церковь, по крайней мере в лице иосифлянского направления, покорно склонялась перед растущей силой московского самодержавия.

Теперь осталось только позолотить пилюлю, и церковные книжники сделали это.

События, происходившие в XV веке, — Флорентийская уния, падение Царьграда, освобождение Руси от татар — сами собой напрашивались на сопоставление. Обсуждая их «в тиши своих келий», церковные книжники сумели очень ловко воспользоваться ими, чтобы оправдать намечавшуюся линию развития в отношении церкви и государства.

Прежде всего в их представлении тесно связались два факта: в 1439 г. на

Фло-рентийском соборе византийский император и патриарх ради обещанной военной помощи (против турок) подписали унию с западной церковью, а через 14 лет — в 1453 г. — кончилась Ви-зантийская империя: Царьград был взят турками, Константино-польский патриарх сделался рабом турецкого султана. «Разу-мейте, дети, — писал по этому поводу в 1471 г. московский ми-трополит Филипп новгородцам, — царствующий град Константи-нополь и церкви божий непоколебимо стояли, пока благочестие в нем сияло, как солнце. А как оставил истину да соединился царь и патриарх Иосиф с латанюю, да подписались папе золота ради, так и скончал безгодно свой живот патриарх, и Царьград впал в руки поганых турок». Зато в Москве уния, привезенная митрополитом Исидором, была отвергнута: великий князь «по-борол по божьей церкви и по закону и во всем православном христианстве и по древнему благолепию и низложил еретика-ми-трополита». И преемник его Иона впервые применяет к великому князю титул, которого удостаивались ранее только византийские императоры да татарские ханы, назвав его «боговенчанным ца-рем всея Руси». За прекращением власти византийского императо-ра скоро прекратилась и власть татарского хана на Руси: 1480 год обозначается в наших летописях, как год падения татарского ига. Москва стала самостоятельно жить и развиваться.

«Наша Российская земля, — делает отсюда вывод автор «Повести о разорении Царьграда безбожными агарянами», — Божьей милостью и молитвами пречистой богородицы и всех свя-тых чудотворцев растет и молодеет и возвышается... Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быть». Так появилась теория о Москве — третьем Риме. Эта теория развивается в дальнейших «повестях» и «словах», написанных нашими книж-никами в конце XV и начале XVI веков. Благочестие и процве-тание Москвы противопоставляются еретическому уклону и па-дению Рима и Константинополя; московский князь объявляется преемником византийского императора (в «Сказании о Монома-ховом венце» некоего Спиридона Саввы греческий царь Констан-тин-Мономах сам шлет князю Владимиру знаки царского до-стоинства), а затем он признается даже и прямым потомком и

Августа, первого императора Рима (в «Сказании о князьях - Владимирских» выводится подробная генеалогия мифического родоначальника русских князей Рюрика от Пруса, «сродника кесаря Августа»). Смысл этих сказаний ясен: только Москва хранит православие, и московский князь — единственный на земле его покровитель. Поэтому положение, титул и власть москов-ского князя не меньше и не ниже власти и титула византийского и римского императоров: он — их преемник. Не унижает, а воз-вышает покорность и подчинение такому государю: вот почему он и должен считаться главою церкви. Так рассуждения иосиф-лян и домыслы московских книжников оправдывали подчинение Церкви все растущему самодержавию московского князя.